

Дмитрий ВОРОНИН

ВЕРОЙ И ПРАВДОЙ

1

Михася Ярошука призвали в армию. Восемнадцать Михасю исполнилось в феврале, а в конце апреля уже и повестка подоспела — милости просим в доблестные войска, защищать честь и независимость Украины.

Михась, парубок видный, высокий, под метр девяносто, мускулистый, батьке и деду справный помощник во всех домашних делах. Он и дров порубить, и сена заготовить, и мешки с картоплей в тракторный прицеп накидать, и воды матери в огород ведрами натаскать, и теплички покрыть, а ещё огурцы-помидоры в корзинах домой отнести, яблоки в подпол спустить, скотину, когда надо, прибрать. В общем, нужный работник в доме, послушный и безотказный, родительская гордость. Всем бы таких детей, горя б люди не знали.

Михась и охотник что надо, снайпер знатный, зверю шанса не даст, дедова закса. В кухне, благодаря ему, всегда мясо найдётся.

— Михася в армию берут, свято в доме, — гордо расхаживал по горнице, разглаживая седые обвисшие усы, дед Сашко. — Надо проводить хлопца, чтоб всем кругом знатно было. Народ созывать пора. Когда ему, напомни? — обратился он к отцу призывника.

— Так девятого мая идти, нехороший день, — озабоченно потёр лоб батько Андрий. — Да и в спецнабор какой-то вроде определили.

— И в чём печаль? В спецнабор! За сына не рад, что выделили из всех? Кому ещё такая честь в селе, скажи, а? То-то.

— Неспokoйно всё ж как-то на сердце, времена-то вон какие.

— А какие? Обычные времена. Не лучше и не хуже других времён. Всегда такое было. И с тобой, и со мной, и с дедом твоим Иваном, и с прадедом Панасом. И ничего, все служили да живы-здоровы остались. Так и Михасю это же уготовано, не сомневайся. Наша семья заговорённая, под Богом ходим, пресвятая дева Мария нам защитница. Поди-ка лучше девок наших созови, наказы нужно важные сделать.

Девки, две незамужние молодухи Оксанка да Ульянка — Михасины сёстры, бабка Гануся да мамка Натуся и даже совсем уж старая бабка Хрыстя, получив мужской инструктаж, с вдохновением впряглись в предпраздничную суету. Дом и подворье намывались, украшались, подкрашивались к приёму дорогих гостей. Со скотного двора каждый день раздавались то дикий визг свиньи, то рёв обезумевшей тёлки, то испуганное кудахтанье кур да всполошённый гогот загнанных в угол гусей. В летней кухне постоянно что-то шипело и шкварчало до самого позднего вечера, а уже затемно над ней начинал куриться дымок, и по округе разносился сладковатый запах браги.

— Хороша горилка будет у Андрия, — втягивали ноздрями воздух сельские мужики, проходя мимо ярошуковской хаты, — погуляем знатно.

2

Восьмого мая в подворье Михася Ярошука собралось больше двух сотен народу. Тут и родня почти вся, кроме дядьки Василя, тут и соседи, тут и друзья-товарищи, подруги. Столы, выставленные в три длинных ряда от входа в дом и застеленные узорными бумажными скатертями, ломились от угощения. Свинина, телятина, жареные битки, птица, рыба, сало с подчерёвой, смаженные ковбасы, сыры, овощи свежие, солёные кавуны, вареники с картоплей, фрукты, мочёная антоновка, — одним словом, ешь не хочу. Да и со спиртным всё в полном порядке, горилка между блюд в двухлитровых бутылках красуется, наливочка в графинчиках искрится, вино домашнее, хочешь виноградное, хочешь яблочное, на солнышке переливается, пива наварено немеряно. Праздник, так праздник.

За главным столом, по центру, посадили самого виновника торжества. По правую руку от него отец с матерью, то бишь Андрий с Натусей, рядом крёстные — дядька МIRON и тётка Ева, по левую же руку самые что ни на есть старейшины семьи — прадед Иван и прабабка Хрыстя, за ними сразу дед Сашко с бабкой Ганусей. Ну и в остальном всё по справедливости. Ближе к Михасю родня ближняя, потом дальняя. И в сторонних рядах всё чин чинном, с одного края — дружки-подружки Михася, с другого —

соседи и друзья-подруги батькины да дедовы. Только из одногодков прадеда Ивана и прабабки Хрысти никого, они последние в селе долгожители.

Андрей Ярошук за главного сегодня на правах отца новобранца, ему и застолье вести. Встал Андрей важно, тишину нагнал, кашлянул для солидности, вышиванку поправил, волосы пригладил и начал слово говорить.

— Дорогие наши все, и родня, и други, и соседи! Вот видите, какой у нас сегодня день, важный день, праздник. Вы понимаете.

За столами одобрительно закивали, подтверждая правоту сказанного.

— А то...

— И у нас было...

— Праздник в доме...

Андрей поднял руку. Сдерживая лавину чувств односельчан и дождавшись тишины, продолжил.

— Так вот, значит, я про важный день доскажу как есть. Он, конечно, очень важный, важней, может, и нет. Может, даже и главный он у нас в семье. Ну, в этот год точно, что главный, тут и говорить нечего. А знатного в нём вот что. Наш Михась становится защитником, нашим защитником, моим и матери, деда своего и бабки, прадеда и прабабки и вот сестёр своих тоже. Он и вас всех под защиту берёт. Так, правильно я слово говорю? — обвёл всех растроганным повлажневшим взглядом Андрей.

— Так, так, — загадели кругом гости. — Хорошо говоришь, верно.

— А если так, — вновь поднял руку застольник, успокаивая собравшихся, — то вот вам истина. Все Ярошуки всегда были честными защитниками и не стигнули в своей службе на благое дело Родины, а уберегли себя для дальнейшей пользы жизни. Уберегли для общества и семьи. Вот я и хочу дать слово старейшине нашей семьи, самому главному нашему предку, человеку почётному и героическому, прадеду нашего Михасы — Ивану Панасовичу Ярошуку. Пусть скажет своё важное слово парубку, а мы поднимем чарки и послушаем.

Вокруг разразились аплодисменты.

— Давай, дед Иван, скажи слово потомку, нехай впитывает.

Худой, сгорбленный годами старик, с заострённым ястребиным носом и слезящимися полуслепыми глазами, медленно приподнялся со своего места и дрожащим голосом произнёс:

— Чего тут говорить, тут моя речь короткая. Служи честно, внучку, верой и правдой служи, как прапрадед твой Панас служил.

3

Прапрадед Панас служил у Юзефа Пилсудского. Попал он в польскую армию в тот момент, когда пан Пилсудский с Советами воевал. Скорее даже не попал, а попался по собственной глупости. В село как-то поутру вошёл взвод солдат во главе с подпоручиком. Всех мужчин согнали на площадь перед церковью и обнародовали добровольный указ о призыве в Войско польское.

— Кто пойдёт к нам на службу, получит жалование и землю, — торжественно объявил с церковного крыльца благую весть подпоручик и вдруг, неожиданно, положил руку на плечо стоявшего чуть ниже Панаса. — Хочешь землю, хлопец?

— Хочу, пан офицер.

— Молодец, хлопец, будет тебе земля, много земли, но только после победы. Запишите героя в солдаты.

Вот так и призвали Панаса в армию. К обеду он уже при форме садился на телегу, не попрощавшись как следует ни с отцом, ни с матерью.

— Дурак, земли на могилу получишь, конечно, — только и успел сказать напоследок Панасу отец.

Панасу воевать не пришлось, повезло дураку, отправили его сразу же в лагерь для русских военнопленных, что в Стшалкове расположился. Туда русаки потоком стекали. Пан Пилсудский на тот момент хорошо трепал Красную армию, вот и скапливался служивый народец в польских лагерях. Людей для охраны катастрофически не хватало, поэтому часть новобранцев переместили в тыл надзирателями, мол, послужите пока тут великой Польше, а потом уж и на фронт. Панас, хлопец крестьянский, хваткий, сразу же смекнул, что только особое старание и рвение перед начальством спасёт его от гибели на поле боя. И он старался.

Стояла зима. И несчастные русские солдатики быстро превращались в ходячих мертвецов. Жили они в наспех сколоченных лёгких бараках, которые не отапливались, а разжигать огонь внутри помещений категорически запрещалось в целях соблюдения безопасности этих строений. Многие из красноармейцев попали в плен ещё до холодов и были в летнем обмундировании, что только усугубляло их плачевное со-

стояние. Холод и голод активно помогали смертушке делать свое дело.

— Эй, москаль тухлый, давай сюда! Прытче, прытче, — подозвал к себе пленного доходягу Панас, стоя в кругу охранников. — Жрать хочешь?

— Хочу, вельможный пан.

— Землю жри. Съешь три жмени, дам хлеба. Ну что, Иван, съешь?

— Афанасий я.

— Панас, — загоготали кругом охранники, — ты бачишь, тэзка у тебе выискался, Афанасий! А может, это братец твой, может, близняк? Гляньте, хлопцы, как схожи, прям один в один. Может, и ты, Панас, москаль? Что скажешь?

Панас аж поперхнулся от неожиданности. Лицо его налилось кровью, и он со всего маху ударил русака кулаком в живот, а когда тот согнулся в три погибели, сбил его с ног ударом в голову и, уже лежащего, принялся остервенело пинать ногами куда попало, с ненавистью приговаривая:

— Який я тэзка ему, курве москальской, який я ему тэзка!

— Хорош тебе, — через несколько минут охранники оттащили Панаса от жертвы, — не бачишь, что ли, сдох твой тэзка уже, хрипеть перестал.

— Добрый пёс знает своё дело, — усмехнулся в сторону озверевшего надзирателя лагерный хорунжий. — Честно служить будет.

4

— Молодец, Иван Панасович, верно сказал, коротко и верно, — вновь взял слово Андрий, дождавшись, когда опустеют чарки. — Наш далёкий предок служил нашей ридной крайне всею правдою, и мы его не посрамили ни на миг, вся наша семья Ярошуков. Вот и батька мой не соврёт. Скажи своё слово, батька, твой черёд пришёл.

Дед Сашко, высокий, стройный седовласый старик, с таким же ястребиным носом, как у своего отца, важно встал из-за стола и поднял чарку отменного первача.

— И что тебе сказать, внучек мой дорогой Михась? Помню тебя вот таким, — показал Сашко рукой у своего колена. — А и тогда ты лихо уже с крапивой воевал. Палку в руку — и айда рубить вражину налево и направо. И пока всю её не сничтожал, с поля боя не уходил. Храбро сражался. Хоть и жалила она тебя нещадно, а ты только губы поджимал да заново на вражину кидался. Вот так же храбро шёл в бой и батька мой, твой прадед Иванко. Храбро и честно. За правду. Вот тебе и моё слово. Служи так же честно, как твой геройский прадед Иванко. И если в бой придётся, то так же смело, как он.

...Иванко в рядах охранного батальона вошёл в белорусские Борки ранним утром, когда деревня только-только пробуждалась к работе. Зондеркоманда СС взяла Борки в плотное кольцо, а хлопцы Романа Шухевича направились по хатам — сгонять народ к бывшему сельсовету.

— Шнель, шнель, партизанское отродье!

— Пане полицай, да куда ж я с малыми дитятками? Дозвольте дома остаться.

— Геть, геть, дурна баба, сказано, всем — значит, всем!

Украинские националисты силой вышвыривали из хат жителей и прикладами гнали их вперёд. Тех, кто не мог двигаться самостоятельно, расстреливали на месте. За националистами в дома входили немецкие солдаты из команды тылового обеспечения, вытаскивали во двор наиболее ценные вещи и тут же грузили их в грузовики и подводы, управляемые местными полицаями. Одновременно из сараев выгоняли уцелевшую скотину, а когда реквизиция добра заканчивалась, поджигали подворье.

Над Борками клубился дым и стоял обречённый вой жителей.

— Эй, пострел, ты куда забрался? — улыбнулся Иванко незамысловатой хитрости пятилетнего пацанёнка, схоронившегося от беды в крапиве. — И не больно-то тебе там сидеть? Жалится же!

— Ой, дзядзька, балюча, — всхлипнул мальчуган.

— Так вылезай оттуда.

— Не магу. Матуля загадала, каб сядзеу и не вылазяць без яе дозволу.

— Так это мамка твоя меня и прислала, чтоб я тебя к ней отвёл.

— Прауда? — обрадовался пацанёнок, выбираясь из зарослей жгучей травы.

— Правда, вот те крест, — улыбаясь, перекрестился Иванко. — Давай руку, к мамке пойдём. Как зовут-то тебя, герой?

— Янка.

— Во как, тэзка, значит.

На площади у большого амбара Иванко подтолкнул мальчугана в сторону подвывавшей толпы.

— Иди, Ваня, ищи свою мамку. Там она, ждёт тебя.

Через полчаса народ загнали внутрь амбара, закрыли ворота на засов, облили деревянную постройку бензином и подожгли.

— Ярошук, — подошёл к Иванку гауптман, когда всё было кончено, — видел, как ты щенка за руку привёл. Молодец, честно служишь, хорошо воюешь. Награду получишь, как во Львов вернёмся.

5

— Вот как-то незаметно и моё слово напутствия приспело, и мне говорить сыну важное очередь пришла, — приосанился Андрий, вобрав в себя выпирающий животик. — А есть ли мне ещё что сказать после наших уважаемых дедов? Могу ли я после них? Есть ли у меня честь, люди добрые?

— Есть, есть, Андрий. Честь отца на сына. Говори слово, — зашумели за столами.

— Ну что ж, тогда скажу, — повернулся отец к Михасю. — Слушай сюда, сынку. Большая честь тебе вышла — служить за родную землю. Не посрами наш род вдали от дома. Будь смелым и решительным в своих помыслах. Держи своего врага на мушке верно, как дед Сашко тебя учил. А дед Сашко знатный учитель, он в службе своей врагу шансов не давал. Бери с него пример, служи честно, Михась.

...В Чехословакию Сашко Ярошук попал почти перед самым дембелем в составе воздушно-десантной дивизии с приказом взять под контроль пражский аэродром «Рузине» и обеспечить приём основных сил советской группировки войск. С Пражской весной надо было покончить раз и навсегда, как с рассадницей контрреволюции в социалистической Европе. Вот Сашко и должен был этим заняться, а ведь он уже о скорой свадьбе с Ганкой мечтал. И тут такая заваруха, будь она неладна! Все планы Сашка накрылись в одночасье, как корова языком их слизала. Никто ведь теперь не скажет, сколько это всё с чехами продлится, может, месяц, а может, и год. А если Ганка другого парня встретит? В общем, злой был Сашко на всех, ох и злой. Ходил по границе аэродрома в охранении и бубнил себе под нос: «Москали кляти, чтоб вам всем в аду гореть!»

Недели через три в очередном вечернем дозоре из зарослей кустарника, что рос вдоль дороги, ведущей к аэродрому, на Сашка и его сослуживца Максима под крики «Invaders, jdi do Moskvu!» обрушился град увесистых камней, один из которых пробил голову товарища. Максим от удара потерял сознание и тихо стонал, лёжа на обочины. Неизвестно, как бы там сложилось с самим Сашком, который от испуга расплакался и не мог сдвинуться с места, если бы не неожиданное появление немецкого мотоциклиста, резко притормозившего около раненого. С ходу оценив обстановку, гдээрровский солдат сорвал с плеча автомат и с колена дал длинную очередь по кустам, откуда исходила опасность. Кто-то обреченно вскрикнул в обстрелянной стороне, и за этим вскриком последовали громкие всхлипы. Немецкие военнослужащие, вошедшие вместе с советским контингентом войск в Чехословакию, особо не церемонились с местным населением, в случае непослушания тут же брали оружие на изготовку и при малейшем подозрении на агрессию со стороны чехов применяли его без предупреждения. Спаситель Сашка, не обращая никакого внимания на плач и стоны в зарослях кустарника, подошёл к Максиму, отложил оружие и быстро оказал десантнику первую помощь — обработал рану, перевязал голову, сделал обезболивающий укол и по рации связался со своими. Всё это заняло несколько минут, после чего немец повернулся к Сашку, успевшему прийти в себя.

— Ком, рус, — показал он в направлении зарослей.

Метрах в пятнадцати от дороги лежал первый чех и громко стонал. Парню было столько же лет, сколько и молодым солдатам, подошедшим к нему, лет двадцать, не больше. Глаза у него помутнели, веки слабо подрагивали, рана в груди несчастного была страшной и не оставляла ему почти никаких шансов на жизнь. Немец передёрнул затвор и выстрелил одиночным в голову. Чех всхрипнул и затих. Сашко с благоговейным ужасом смотрел на деловито спокойного немца, который молча присел перед жертвой, быстро обшарил его карманы, достал какой-то документ и положил его в свой планшет.

— Ком, рус, — вновь поманил за собой Сашка немецкий солдат.

Пройдя ещё метров двадцать, военнослужащие обнаружили насмерть перепуганного паренька лет шестнадцати, который обречённо сидел на земле и громко всхлипывал. У мальчишки была прострелена нога.

— Аусвайс! — навёл на паренька автомат немец. — Шнель!

— Не аусвайс, — растёр слёзы по лицу мальчишка.

— Найм?

— Александр.

— Надо же, тёзка, — удивился ответу Сашко.

Немец, впервые услышав голос Сашка, холодно улыбнулся и похлопал его по плечу:

— Гут, рус! — после этого он показал на висящий на плече Ярошука «калашник».

— Хор ауф дамит.

— Я? — испуганно отпрянул в сторону Сашко.

— Я, я, — утвердительно кивнул немец.

— Я не могу, я не убивал людей, давай сам, — попытался выкрутиться из страшного положения Сашко.

— Найн. Ду. Дис ист айне райхенфольге, — отрицательно покачал головой немец и вновь указал на автомат Сашка. — Шнель! — Сашко дрожащими руками снял оружие с плеча, передёрнул затвор и, закрыв глаза, выстрелил в несчастного мальчишку. — Шарфшутце! — брезгливо ухмыльнулся немец, прощупывая сонную артерию убитого. — Ист тот.

Ярошука вырвало. Через минуту к ним с автоматами на перевес подбежал по меньшей мере взвод аэродромовских десантников.

— Что тут произошло, сержант Ярошук? — обратился к нему взводный, косясь на труп паренька.

— Я, это... Мы, это... С Максимом. Они первые... А потом... Вот он... Я не хотел. Они первые, — не мог прийти в себя Сашко.

Лейтенант вопросительно посмотрел на немца.

— Рус гутер зольдат. Шарфшутце, — широко улыбнулся тот.

Через месяц Сашка демобилизовали.

— Благодарю за честную службу! Благодарности родителям за воспитание сына и в ваш сельсовет я отправил по почте, так что встретят тебя дома как героя, не сомневайся, — крепко пожал на прощание руку Ярошуку комбат.

6

— Дозвольте и мне слово держать как крёстному Михася, — поднялся из-за стола мускулистый мужик возраста Андрия.

— Дозволяем, говори, Мирон.

— Спасибо, братья, — степенно поклонился Мирон народу и повернулся к крестнику. — Тут, Михась, правильно вспоминали всех твоих геройских предков, и это твоя гордость и твоя сила, я тебе скажу. Но гордость эта и сила не только в них, но и в батьке твоём и моём лучшем друге Андрии. Он ведь тоже герой, служил честно и орден есть. Так и ты, Михась, как то яблоко от яблони, служи честно, чтобы батько гордился и все гордились. Вот моё слово.

...«Духи» атаквали взвод неожиданно, не в том месте и не в то время. Одним словом, ударили тогда, когда этого удара никто не ждал. Миномётный обстрел, а после него шквальный автоматный огонь практически полностью уничтожили весь разведотряд шурави. Каким-то чудом уцелели только Андрий, не получивший в этом аду ни единой царапины (видать, Бог миловал), и его взводный, совсем молодой лейтенант Андрей Гончаренко, месяц назад прибывший из училища в Афганистан. Правда, лейтенанту повезло меньше, ему перебило осколками мины ногу, и пуля прошла плечо. Крови взводный потерял много и тихо постанывал, временами теряя сознание. Ещё большим чудом было то, что «духи» не стали обследовать место гибели разведчиков, а быстро растворились в горах. Почему такое случилось, так и осталось загадкой, но неожиданный уход победителей дал шанс на жизнь побеждённым.

— Тёзка, — прохрипел лейтенант, когда стало окончательно ясно, что «духи» ушли, — посмотри раны, перевяжи где надо.

— Где надо... — машинально повторил Андрий, всё ещё находясь в плену у пережитого страха. Руки дрожали, и он никак не мог наложить повязку на рану взводного.

Не покидали мысли, что вот сейчас «духи» вернутся и завершат своё смертоносное дело, что он тут застрел с этим москалём, вместо того чтобы бежать подальше от этой общей могилы. «Что делать, что делать? — лихорадочно думал Андрий. — Надо уходить с этого места, надо где-то схорониться. Только вот с этим как быть? Может, грохнуть его, и дело с концом? Никто ж не узнает. А если узнают? А с ним куда? Он и шагу не ступит. На себе тащить? А ещё кормить-поить придётся. Воды и так мало. Сдохну с ним, не выйду. Лучше грохнуть».

— Андрей, ты чего такой дёрганый? — будто почувствовал что-то неладное лейтенант. — Не дрейфь, всё будет нормалёк, прорвёмся. Наши нас уже ищут, наверное. Рацию глянь у Генки, вдруг уцелела.

Рация не уцелела, как не уцелел и сам Генка, лежащий с развороченным животом на краю тропы, по которой шёл в разведку отряд.

- Лейтенант, надо уходить с этого места, «духи» могут вернуться!
- Нет, земля, нельзя уходить. Наши нас тут искать станут.
- «Духи» тоже, — поднялся во весь рост Андрий. — Я тебя понесу, где смогу, где не смогу — тащить буду. Больно будет, терпи, не ори, а то пристукну.

Лейтенант спорить не стал, да и что зря спорить, если он в полной воле Андрия.

«Может, и хорошо, что москаля не грохнул, — думал Андрий, взвалив на себя раненого, — он мне теперь как пропуск будет. К «духам» попаду — скажу, что с «языком» шёл, выкуп за себя нёс, тогда живым оставят. К своим выйду — героем буду, товарища не бросил, офицера. Медаль дадут или орден. Хорошо, что не грохнул».

Через сутки двух Андреев подобрала вертушка, возвращавшаяся на базу после выполнения задания. Орден Красной Звезды вручили Андрию Ярошуку перед всем полком ровно в тот день, когда пришёл приказ о выводе советских войск из Афганистана.

— Честный ты парень, Ярошук, настоящий товарищ, именно с таким и надо в разведку, — растроганно обнял Андрия командир полка.

7

Михась, тщательно прицелившись, выстрелил. Какое-то мгновение он заворуженно наблюдал через окуляр снайперской винтовки за упавшим человеком, а потом осторожно стал отползать в сторону от места своего схрона.

— Ну что, Ярошук, с почином тебя, ставь зарубку на прикладе, — похлопал по плечу вернувшегося с первого задания Михася командир отряда снайперов ВСУ. — Запомни этот день 22 июня. С победы над первым москалём начался отсчёт твоей честной службы Родине.

— Слава Украине! Героям Слава!

8

— Чего там, Андрий, кто звонил? — обтёрла от муки руки Наталка.

— Брат Василь с Луганщины. Сына его, Мишку, сегодня снайпер застрелил, с выпущного шёл. Вот так-то вот.

— Ой, боже ж мой, беда-то какая! — всплеснула руками Наталка. — А ведь какие надежды подавал, гордость Ярошуков, отличник круглый, в университет собирался. У нас такого умного в семье и не было никогда. Как там Вера после этого? Горе-то, горе!

— Война, будь она неладна!

РОДИНА

В средней параллели объявили диспут о Родине. На большой перемене, взяв с собой стулья и разместившись в холле второго этажа, ученики приготовились выслушать очередной монолог замдиректора по воспитательной работе Фаины Цезаревны Тарелкиной по прозвищу «Тарелка». Фаина Цезаревна диспуты проводить очень любила и серьезно готовилась к этим мероприятиям, ощущая себя в такие моменты великим воспитателем, лучше которого провести сии захватывающие, важные, патриотические беседы никто в этой жизни не сможет. Потому Тарелкина никогда и никому, кроме себя, их не доверяла. Вот и нынче она вышла в холл, как на сцену. И начала:

— Ребятки, сегодня мы проведем диспут на очень важную тему, тему, которая интересует каждого умного человека на земном шаре, — тему Родины. А вы ведь умные люди, правда? Ну, конечно, правда, — сама же и ответила на свой вопрос. — Так вот, ребятушки, Родина — это что? Я знаю, что все вы без исключения готовы ответить, что Родина — это наша великая страна. И правда, наша страна такая большая, что ее и за день не объедешь. Это вам, ребятки, не Англия там какая-то. А вот с чего начинается Родина? На этот вопрос вы тоже можете ответить моими словами из песни. Давайте ее вместе и споем, — и Тарелкина затанула пискляво:

*С чего начинается Родина?
С картинки в твоём букваре,
С хороших и верных товарищей,
Живущих в соседнем дворе...*

Вот с чего она начинается. Оказывается, с картинки в вашем букваре. Все помнят букварь? Ну, конечно, все. Поэтому каждый знает, с чего она начинается. А еще она начинается, ребятки, с хороших и верных товарищей. Поэтому нам всем нужно дружить. И если мы не будем дружить, а станем обижать друг друга, плохо себя вести на уроках, обзывать, ходить по школе без сменной обуви, учиться на двойки и трой-

ки, не слушаться учителей, если не будем помогать пенсионерам, не уступим место в автобусе женщине с ребенком и так далее, то что может случиться? Правильно. Мы можем потерять свою Родину, потому что враги воспользуются нашими ссорами и захватят нас. Поэтому с соседями нужно жить в мире и дружбе. И с соседом через забор, и с соседом другой страны, и с соседом другой национальности. Когда я жила в Таджикистане, мы всех нерусских называли чурками. Так вот, детки, чурками нерусских называть нельзя! Запомните это на всю жизнь. А то можно очень просто и ошибиться. Например, назвал бульбаша чуркой, а он обидится и дружить с тобой перестанет. Или хохла салом попрекни, так он потом, когда тебе станет плохо, ничем тебе не поможет, и даже салом, а еще и скажет, что ты москаль. Поэтому надо очень любить свою Родину, ведь она очень богата. А чем? А вот чем:

*Много в ней лесов, полей и рек.
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек.*

Родину, ребяточки, ее поля и речки, горы и равнины надо беречь и защищать. Вы не должны бросать мусор в лесу и возле костра, а также на улице. Вам же самим стыдно становится, когда немцы на своем языке говорят: «У, как у них грязно!» Мне, например, всегда приходится краснеть, когда я вижу разбросанные везде клочки бумаги. Лучше брось мусор у своего дома, чем у дома соседа, и красней за свой дом, а то бросаете где попало. Возле школы уже пройти стыдно. Любить Родину — это значит ее защищать. А вы знаете, что это такое? Как в одной песне поется, что-то вроде этого, я немного подзабыла, но смысл помню:

*Нам чужой земли не надо,
Но и своей мы тоже не дадим...*

Вам, мальчишки, предстоит идти в армию, защищать Родину. Сейчас многие не хотят служить, отлынивают от священного долга перед Родиной. А нужно защищать свой дом, своих родителей, свои поля и леса. В армии трусы не нужны. А вы ведь не трусы? Я знаю, что среди вас, ребятки, предателей нет и никогда не будет! Нужно всегда быть честным и смелым, и тогда наша Родина будет процветать. А еще, когда вы, ребяташки, закончите школу, вы должны пойти учиться дальше, как я, и стать уважаемыми людьми, честно работать учителями и врачами, танкистами и комбайнерами, космонавтами и даже министрами. Это будет тоже большой пользой для Родины! И хотелось бы закончить такими словами: нет ничего дороже Родины, она — ваша мать, и вы должны любить ее и помогать ей, как своей маме! А теперь можно разойтись. Не забудьте отнести в классы на место стулья.

Фаина Цезаревна с чувством глубокого удовлетворения от прекрасно проведенного диспута направилась в учительскую. И лишь только за ней закрылась дверь, как в коридорах началось:

- Что ты свой стул не взял?
- А ты мне друг? Так если друг, возьми и отнеси, покажи, как Родину любишь.
- Сам отнесешь, чурка нерусский!
- Что, в морду давно не получал, хохол?
- Эй, москаль, ты зачем бумажки разбросал?
- Хочу посмотреть, как Тарелка краснеет.
- Зойка, слышь, у тебя «Букварь» сохранился?
- А зачем тебе?
- Да хочу картинку найти, с которой Родина начинается.
- Их там много, я уже искала в прошлом году. Помнишь, Тарелка тогда то же самое долдонила?
- Так, может, отнести ей «Букварь», пусть сама покажет.
- Давай поприкальваемся.
- Эй, чурка, уступи место даме.
- А ребенок где?
- Витек, а если бы немцы вернулись, что бы ты делал?
- Что? Ничего. У них порядок, и зарабатывают классно, уж хуже бы не стало.
- Ну, чё, Булкин, в армию пойдешь, Родину защищать?
- Что я, с дуба грохнулся? Пускай Тарелка сама защищает свои речки и поля.
- А я мамке сегодня скажу, что Тарелка наказала любить другую мамашу — Родину.

Прозвенел звонок, и все участники диспута тут же забыли о нем, переключившись на учебные проблемы. И только Тарелкина никак не могла успокоиться. Фаина Цезаревна, раскрасневшаяся под впечатлением собственной речи, продолжала делиться мыслями о Родине с учителями.

ЛЮБОВЬ ДО ГРОБА

Куприян всё-таки дожил до пенсии. Дожить-то дожил, но не пережил. В тот же день напился с друзьями на радостях, что закончились трудовые мучения, до дома кое-как доволочся, на второй этаж почти поднялся, да на предпоследней ступеньке споткнулся и кубарем скатился вниз. Там и остался лежать до утра. Утром соседка с первого этажа скотину собралась убирать, вышла в коридор и наткнулась на Куприяна, лежащего почти у самой её двери.

— Купрей, чего развалился у самого порога? Ни пройти ни проехать, — слегка пнула сапогом соседа Антонина. — С утра уже налился, как свинья! — в ответ Куприян только что-то невнятно прохрипел. — Что-что? — не расслышав, нагнулась над ним соседка и тут же резко отпрянула назад, разглядев синюшное лицо с запекшейся на лбу кровью. — Да ты чего, Купрей, ты чего? — испуганно прошептала Антонина, пятясь от скрюченного на полу соседа. — Плохо тебе, чего ли? — Наткнувшись спиной на собственную дверь, Антонина резко развернулась, рывком отворила её и прокричала вглубь квартиры: — Федула, вставай, подь сюда! Твоему дружку Купрею совсем курдык, синий весь у нашего порога ляжит и еле дышит, кровью по всей башке присох!

— Ох-ма, чё орать-то, я чё, врач, чё ли? — раздался недовольный голос.

— Врач не врач, а поди посмотри, чего с им, я боюсь, — отодвинулась от двери Антонина, давая возможность мужу подойти к скрюченному соседу.

— Купрей, дружба, ты чего? — склонился над бедолагой Фёдор.

— М-м-м, — промычал что-то в ответ Куприян.

— Купрей, не понял, плохо тебе? Повтори, — осторожно тронул за плечо друга Фёдор.

— А то не видишь, что плохо! — прикрикнула на супруга Антонина, придя в себя от потрясения.

— Да заткнись ты, — цыкнул на жену Фёдор, — без тебя разберёмся! Пойди поднимись лучше к Любке, скажи ей, что с мужиком ей плохо, пусть спустится, — бо-язливо обойдя соседа стороной, Антонина стала подниматься на второй этаж. — Купрей, давай я тебя подниму, — попробовал оторвать друга от пола Фёдор, схватив его за подмышки.

— Хр-р-р, — захрипел Куприян, вытаращив глаза. И тут же из уголка его рта потекла кровь.

— Вот чёрт! — испугался Фёдор и уложил Куприяна обратно на пол. — Чего это с тобой?

— Хр-р-р.

На втором этаже громко хлопнула дверь, и раздался визгливый голос Любки:

— Ну и где этот алкаш?

— Я ж говорила, внизу лежит, синий весь, — ответила Антонина.

— Синий? Потому что законченный алкаш, — грузно спустилась вниз Любка и сходу с силой пнула лежащего мужа. — Вставай, падо, хватит народ баламутить!

— Хр-р-р.

— Ты чё, дура, ему ж плохо. Глянь, кровь горлом идёт, — оттолкнул Куприянову жену Фёдор.

— Плохо ему! — скривила рябое лицо Любка. — Пить без меня не надо было, тогда б и плохо не было, а так боженька наказывает. Нефиг супругу законную динамить.

— Ну, эт вы отношенки-то свои потом завьясняете, — отодвинул Любку рукой подальше от мужа Фёдор. — А сейчас врачей вызывать надо и за фельдшерницей сбегать. Давайте-ка, бабоньки, мухой, одна нога там, другая здесь, а я пока с Купреем побуду.

Через минут двадцать подошла фельдшер, посмотрела на Куприяна, достала мобильник и вызвала скорую. Приехавшая скорая увезла мужика в больницу, где он и умер на следующий день.

Узнав о смерти мужа, Любка тут же отправилась в сельскую администрацию.

— Кать, горе у меня нынче, — притворно захныкала Куприяниха, войдя в кабинет главы поселения, — Купрей помер.

— Слышала, — отложила в сторону деловые бумаги Екатерина Матвеевна и сочувственно посмотрела на Любку, растиравшую кончиком чёрного платка сухие глаза. — Соболезную. Что делать собираешься?

— А что делать? Хоронить. Вот за деньгами к тебе пришла, поминки надо устраивать, туды-сюды, расходы одне. Я уж посчитала — только водки ящика три-четыре

надобно, а закуски так и того больше. А ещё гроб, могилку копать, да мало ли... Так что тысячу давай, не меньше.

Сочувственное выражение на худом лице Екатерины Матвеевны сменилось удивлением.

— Ты, Любка, что-то путаешь. У нас тут не собес и не благотворительная организация. Помочь поможем, транспорт там — Куприяна из морга привезти, да на похороны, ну, венки от посёлка, а на водку и на прочее сама изыскивай, у меня на это деньги не заложены.

— Да ты чё, Кать, как не заложены? — покрылась красными пятнами Любка. — А где ж я возьму, у меня отродясь таких денег не бывало. Кать, ты чё?

— Кто ж виноват, копить надо было, а не пьянствовать всю жизнь, — строго оборвала Любкин визг Екатерина Матвеевна. — Работать надо было, а ты только и знала, что гулять и веселиться. Поезжай в собес, оформи бумаги о смерти на Куприяна, они тебе выделят тысячу-другую, на гроб хватит.

— Да на какой гроб?! — наливаясь злобой, заорала Любка. — Мне на поминки денег нет, а ты про гроб!

— Ну, про поминки с водкой ты забудь, киселя с кутьёй людям подашь, — стукнула по столу кулаком Екатерина Матвеевна.

— Да ты чё, дура? — визгливо завопила вдова. — Ты чё, издеваешься? Какой кисель, какая кутья, чё обо мне народ подумает?

— Ну, вот что, голубушка, — нахмурившись, поднялась из-за стола глава сельсовета, — иди-ка ты отсюда, пока я не передумала с транспортом. И мой тебе добрый совет — поезжай в район, в собес, пока рабочий день не кончился. А людям про тебя думать нечего, они о тебе и так всё знают.

— И на что я поеду? — сбавив тон, захныкала Любка. — У меня ни рубля нет.

— Что, вообще нет?

— Откуда, я ж не работаю, а этот даже пенсию первую не получил.

Екатерина Матвеевна укоризненно покачала головой, достала из своей сумочки кошелек и протянула Любке триста рублей.

— На. На дорогу туда и обратно, хватит вполне.

— Ой, Катюш, спасибочки, — тут же просияла заискивающей улыбкой Любка. — Ты настоящая баба. Душевная. Всегда буду за тебя голосовать.

— Иди, иди уже, — отмахнулась от неё Екатерина Матвеевна.

Вечером из Куприяновой квартиры раздавались пьяные голоса.

— Почему так несправедливо на свете, а? Я тебя спрашиваю! — стучала кулаком по столу Любка, обращаясь к уже совсем охмелевшей соседке Антонине и её мужу Фёдору. — Вот подох мой и меня одну оставил. Это что, правильно? Не прошу ему!

— Дак надо было и тебя с собою Купрею забрать? — пьяненько оскалился Фёдор, растёгивая ворот полинявшей рубахи.

— Ты чё, придурок? — вылупилась на него вдова. — Я про то, на что жить мне до пенсии ещё три года.

— Дак делай чегой-то-нибудь, — Фёдор разлил по стаканам остатки самогона.

— Чего делай, чего делай? Больная вся, ноги не ходят, руки не шевелятся. Вот выпью, так ещё ничего, а как трезвая, хоть вой.

— Ну, может, пенсию по потере кормильца запишут, ты к Катьке-то сходи завтра, узнай, не откладывай, — хитро сощурил глаза сосед и опрокинул в себя содержимое стакана.

— А что, есть такая? — оживилась Любка.

— А то! — важно подтвердил Фёдор. — Хоронить Купрея когда будешь?

— Вот завтра у Катьки пенсию за кормильца получу, тогда и буду.

— Ну, ладно, бувай, что ли, как нужен буду — позовешь, — Фёдор поднял свою жену с табуретки и, шатаясь, повел её к двери.

С утра Любка нетерпеливо топталась у сельсовета.

— Ну, оформила бумаги, деньги получила? Когда за Куприяном машину посылать? — подошла к двери Екатерина Матвеевна.

— Ты, Кать, мне зубы не заговаривай, ты мне пенсию на потерю кормильца выпиши, тогда и поедем.

— Подожди-подожди, — опешила Екатерина Матвеевна, — что-то я не пойму, какую пенсию, какого кормильца? Ты вчера в районе была, в собес ходила?

— На кой мне твой собес? — завизжала вдова. — Что мне там сдалось? Из-за тысячи унижаться? Не ездила я туда и не поеду. Да ты мне на мозги не капай, а лучше пенсию выписывай на Купрея, на мою поддержку. У меня денег ни копейки совсем.

— Как — денег нет? — ахнула Екатерина Матвеевна. — Я ж тебе дала вчера триста рублей!

- Фу ты, ну ты, триста рублей, — сплюнула на землю Любка, — тоже мне деньги!
- Постой-постой, так ты их пропила? — дошло до Екатерины Матвеевны.
- Не пропила, а помянула Купрея с соседями. А что, нельзя? — нагло подбоченилась Любка. — Или копеек своих пожалела? Подачкой откупиться решила?
- Пожалела, вот теперь точно пожалела. Ну да ладно, впредь наука.
- Так как насчёт пенсии?
- Совсем у тебя от сивухи мозги брякнулись, — укоризненно покачала головой Екатерина Матвеевна. — Ты что, дитё несовершеннолетнее? Это им такие пенсии назначают, да и то не мной.
- А кем?
- Да какая разница кем, тебе всё равно не светит. Ты лучше скажи, когда за мужем поедешь? Уже второй день пошёл, а хоронят по обычаю на третий.
- А вот сама и хорони по обычаю, — с ненавистью взвизгнула Любка. — А у меня денег нет.
- Да ты что, Любка! — аж всплеснула руками Екатерина Матвеевна. — Побойся Бога, он же муж твой. Ты с ним сколько прожила? Лет тридцать-тридцать пять?
- А сколько б ни прожила, не твоего ума дело. Хоронить не буду, пусть государство хоронит. Вот! — удивилась своей неожиданной мысли Любка.
- Как же так? — возмутилась Екатерина Матвеевна. — Он же тебя всю жизнь поил-кормил, сына родили. Что Серёга скажет, когда из тюрьмы вернётся? Спросит, где батькина могила, а ты ему что?
- А ничего, на кой ему такой батька. Серёга его никогда не любил, он ему всегда до лампочки был.
- Тьфу на тебя! — в сердцах сплюнула в сторону Любки Екатерина Матвеевна. — Последний раз спрашиваю, в район поедешь?
- Денег дай.
- Нет.
- Ну, тогда сама и хорони, — отвернулась от Екатерины Матвеевны Любка.
- Все последующие дни Любка слонялась по деревне пьяная и жаловалась людям:
- Что за жизнь, разве это жизнь? Похоронить мужика не дают по-человечески, что он, и на пенсию хоть одну не заработал?
- Ты б не пила, а бумаги в собесе оформила бы да и похоронила, — осуждающе несло ей вслед.
- Какие похороны без поминок? — сетовала Любка, не замечая неприязни окружающих.
- А тебе только б напиться. Жалко ведь Купрея, хороший мужик был, а похоронят как собаку, под номером, — жалели Куприяна на деревне.
- А мне что, не жалко, мне не жалко? — пускала слезу Любка. — Мне больше вашего жалко, как я без могилки... И помянуть некуда придти будет, и помру — лежать мне не рядом.
- Так езжай, забери Куприяна.
- Пусть Катька хоронит, у меня денег нет, — злобно отгрызалась в ответ Любка и уходила прочь.
- На восьмой, со смерти Куприяна, день Екатерина Матвеевна сама прошлась по деревне и к обеду набрала необходимую для похорон сумму. А уже утром девятого дня закрытый гроб с телом покойника стоял у сельской администрации для прощания. Соседи ближние и дальние подходили к домовине, скорбно переговаривались между собой, некоторые крестились. К полудню на деревенском кладбище появился свежий холмик, укрытый пахучим лапником, сверху положены были четыре красные гвоздики и воткнута табличка с фамилией и годами жизни покойного. Благоверную Куприяна ни до, ни после похорон в тот день так никто и не увидел.
- А через три дня не просыхавшая от пьянства Любка споткнулась на предпоследней ступеньке своего дома и кубарем скатилась вниз, свернув себе шею.
- Утром Антонина в коридоре наткнулась на разбитое тело соседки и дико закричала от ужаса.
- Купрей за собою забрал, сердечную, — сделал вывод нахмурившийся Фёдор, не обнаружив пульса у Любки. — Любил, видать, сильно.